
ХРОНИКА

Освобождение от догм?

(По поводу статьи Л. И. Сазоновой и М. А. Робинсона
«Изучение литературы русского средневековья и идеологизированная методология»)

На заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ 26 мая 1999 г. среди других вопросов был затронут и вопрос об оценке научной позиции Варвары Павловны Адриановой-Перетц в связи с вышедшей в 1997 г. статьей Л. И. Сазоновой и М. А. Робинсона «Изучение литературы русского средневековья и идеологизированная методология».¹ Обсудив материалы статьи и ее основные положения, как полезные, так и вызывающие споры, и вновь вернувшись к этой волнующей нас теме позже, уже после смерти Дмитрия Сергеевича Лихачева, последовавшей 30 сентября 1999 г., мы хотим выразить наше несогласие с постановкой вопроса об «идеологизированном», а фактически — как это следует из статьи Л. И. Сазоновой и М. А. Робинсона — о конъюнктурном характере ряда научных установок в изучении древнерусской литературы, якобы свойственных работам В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачева, И. П. Еремина, П. Н. Беркова, выдающихся исследователей истории русской литературы и наших учителей.

Нисколько не оспаривая право авторов статьи на современную оценку методов изучения древнерусской литературы, принятых в русской медиевистике советского периода, мы возражаем против облегченного и субъективного подхода к научному наследию «отцов-основателей» нашей науки, претендующего, однако, на полноту и на объективность. Мнение сотрудников Отдела и «древников» кафедры истории русской литературы С.-Петербургского университета может быть передано следующим образом.²

Оценивая сегодня научное наследие выдающихся русских ученых и наших учителей, мы обладаем тем несомненным преимуществом перед ними, что мы живы и свободны в своих оценках. Однако предшественники наши находились в гораздо менее благоприятных обстоятельствах. Трагизм их эпохи заключался в том, что ученые были поставлены властью перед выбором: вообще перестать работать на ниве науки или, несмотря на идеологическое давление, упорно продолжать свое дело. Одни выбрали первое,

¹ Статья опубликована дважды в русском и польском изданиях: 1) Сазонова Л. И., Робинсон М. А. Изучение литературы русского средневековья и идеологизированная методология // Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения. М.: Наследие, 1997. Т. 1. С. 159—178; 2) То же (на русск. яз.): *Opuscula. Polonika et Russica*. V. Warszawa, 1997. С. 41—57. Ссылки на польское издание приводятся в тексте в скобках. См. еще: Михаил Робинсон. Идеологизированная методология и изучение древнерусской литературы в советскую эпоху // *Veda a ideológia v dejinách slavistiky. Materiály z konferencie, Stará Lesná, september 1997*. Bratislava, 1998. S. 122—135.

² По материалам обсуждения данная работа написана Н. С. Демковой и М. В. Рождественской.

другие — второе. Не нам судить тех, кто в страшных условиях отказался от серьезной научной работы. Но мы должны с глубочайшей благодарностью помнить о тех, кто не дал свече угаснуть и работал так, чтобы научная традиция не прерывалась, а изучение древнерусской литературы стало одним из существенных элементов современной мировой науки о литературе. Мы не имеем права забывать об этом еще и потому, что сами выросли на трудах этих ученых и своими знаниями и методикой анализа средневековых текстов во многом обязаны именно им (напомним, что и Л. И. Сазонова, выпускница Ленинградского университета, — ученица Д. С. Лихачева, бережно опекавшаяся им все эти годы).

Статья Л. И. Сазоновой и М. А. Робинсона посвящена общей оценке «исторического пути, который прошла отечественная медиевистика за послереволюционное семидесятилетие» (С. 41). Справедливо отметив, что «путь этот был очень непрост», авторы, опираясь на изучаемые ими сведения о фактах политических репрессий («Дело славистов», арест и расстрел лингвиста проф. Г. А. Ильинского и др.), сообщают многочисленные примеры идеологического давления и запретов на публикации работ выдающихся ученых (академиков В. Н. Перетца, М. Н. Сперанского, В. М. Истрина и др.). И хотя эти материалы уже частично освещались в нескольких предшествующих публикациях авторов, новое обращение к ним безусловно оправдано и темой статьи, и самой трагической ситуацией бытия русской науки в эти годы. Признавая далее «несомненные достижения в изучении древнерусской литературы» в советское время, Л. И. Сазонова и М. А. Робинсон сосредоточили свое внимание отнюдь не на той героической и разумной работе по спасению русской славистики как фундаментальной науки, чему была подчинена вся научная деятельность В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия, М. Н. Тихомирова, Д. С. Лихачева, И. П. Еремина, Б. А. Ларина, Н. А. Мещерского, чуть позже — В. Д. Кузьминой, А. Н. Робинсона, Л. А. Дмитриева и многих других ученых, но обратились к другому аспекту проблемы — к искажениям научной методологии, произошедшим под идеологическим прессингом. Полагая, что «достижения в изучении древнерусской литературы связаны были во многом с тем, как удавалось избегать или нейтрализовать идеолого-методологические схемы, навязывавшиеся науке, начиная с 20-х годов» (С. 41), авторы подчинили свою статью главной мысли — о «компромиссе» русских ученых «с государственной идеологией» в области изучения литературы Древней Руси (С. 44). Это, разумеется, вполне возможная постановка общей проблемы «Наука и Власть», и авторы имеют право выбирать любой аспект ее изучения. Однако значительность заявленной темы, а также и нравственный ее аспект требуют предельной точности и конкретности в изложении фактов, особой щепетильности в анализе научной позиции того или иного деятеля науки, полного исключения субъективных интерпретаций, не опирающихся на документальные источники.

К сожалению, статья Л. И. Сазоновой и М. А. Робинсона выдерживает далеко не все эти требования, что значительно снижает доверие к ней, несмотря на то что абсолютно справедлив ее основной призыв «полностью освободить современное отечественное литературоведение в области древнерусской литературы от навязанного извне политико-идеологического мифотворчества» (С. 52).

Отметим сразу очевидный публицистический характер статьи: в развитии своих тезисов Л. И. Сазонова и М. А. Робинсон пользуются не столько методом научного описания и анализа существующих историографических материалов, сколько разнообразными методами публицисти-

ческого убеждения читателей. Не всегда мотивируют они собственные оценки, часто оставляя замечания и без документального подтверждения — без ссылки на источник, и без конкретного адреса, обращая свой укор как бы ко всей соборной совокупности исследователей-«древников», иногда дают директивные решения ряда дискуссионных проблем научной методологии или истории изучения древнерусской литературы, требующих специального обсуждения. Такова, например, неоднократно поминаемая в статье проблема отношения к компаративистике и к исследованиям А. Н. Веселовского. С точки зрения Л. И. Сазоновой и М. А. Робинсона, «следует восстановить традиции исследования средневековых текстов на основе принципов сравнительного изучения — компаративистики» (С. 44—45). Однако существуют и другие, причем научные, точки зрения, высказанные в то время, когда за интерес к компаративистике уже не преследовали. А. Н. Робинсон в 1980 г. писал, что исследования А. Н. Веселовского «не смогли преодолеть основные недостатки компаративистики»;³ «общие задачи изучения древнерусской литературы нуждаются в их пополнении не только за счет восстановления сравнительных исследований, но и за счет нового определения вопроса о том, какие принципы компаративных исследований было бы целесообразно предложить современной науке», «в компаративно-контактном направлении буржуазного литературоведения в качестве исходной предпосылки для понимания литературного развития принималось представление о влиянии „развитых“ литератур на литературы, казавшиеся „отсталыми“». Задача выяснения национально-исторической оригинальности литератур при этом отодвигалась на второй план».⁴

Решительное возражение вызывает в статье Л. И. Сазоновой и М. А. Робинсона характеристика изучения старообрядческой литературы. Вопреки реальным фактам Л. И. Сазонова и М. А. Робинсон утверждают, что наряду с демократической сатирой и повестями XVII в. «особенно интенсивно изучалась литература старообрядчества. Творческая деятельность вождей раскола, — по мнению авторов статьи, — стала предметом многочисленных публикаций» (С. 51). И происходило это потому, что «интерес к старообрядчеству мог быть оправдан и истолкован в категориях, принятых в идеологизированной методологии» (С. 51) — в движении старообрядчества можно было видеть антифеодалную направленность, «антимонархизм и антицерковность». Однако авторы не уточняют, в *какие* годы происходило это интенсивное изучение. В этом разделе статьи нет ни дат, ни имен. Но главное, что, оказывается, открывало широкую дорогу изучению старообрядческой литературы (открывало ей «достаточно благоприятные возможности»), это «глубокий консерватизм» старообрядцев: «они резко отрицали даже малейшее влияние западноевропейского искусства, что легко можно было бы подвести под категории народности и самобытности» (С. 51). Идея глубокой мимикрии русской науки, если не полного слияния с официозом, на этом материале не выдерживает никакой критики. Достаточно напомнить о жестоких преследованиях старообрядцев и сразу после 1917 г., и в 1950-е гг.,⁵ чтобы увидеть неправдоподобность утверждений Л. И. Сазоновой и М. А. Робинсона. Старообрядчеством долгое время заниматься было опасно. После

³ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI—XIII вв. М., 1980. С. 36.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ См. об этом: Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ // Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 7. С. 248; Покровский Н. За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. 1991. № 9. С. 77—90; Герасимов Афанасий. Повесть о Дуб-

известной статьи В. В. Виноградова в 1923 г. и издания «Жития» Аввакума Н. К. Гудзием в 1934 г. не появлялось никаких публикаций на эту тему вплоть до 1960-х гг. Только тогда, в период «оттепели», возобновились издания сочинений русских старообрядцев, прежде всего благодаря археографическим открытиям В. И. Малышева и его огромной работе по просвещению власть имеющих начальников, благодаря большой практической работе и безусловной поддержке академиков В. В. Виноградова и Д. С. Лихачева. В. П. Адрианова-Перетц всегда поддерживала В. И. Малышева в его собирательской работе в самые трудные времена и проявляла живейший интерес к его находкам. Именно она добилась возвращения из Института мировой литературы в Москве коллекции древнерусских рукописей, собранных в свое время В. Н. Перетцем. Эта коллекция вместе с первыми рукописями, привезенными В. И. Малышевым с Севера, составила основу Древлекранилища Пушкинского Дома, бесценный фонд книжной народной культуры.

Но вернемся к материалам, связанным непосредственно с научными трудами В. П. Адриановой-Перетц, часто упоминаемыми в статье в связи с темой «идеологизированной методологии».

Л. И. Сазонова и М. А. Робинсон пишут о том, что «использование идеологических по происхождению методологических критериев, ставших основными признаками „марксистского литературоведения“, со всей очевидностью демонстрировало оторванность их от реальной картины историко-культурного развития Древней Руси, прежде всего в работах обобщающего характера» (С. 46). Прервем цитату и напомним читателям, что не названные в статье работы обобщающего характера по древнерусской литературе в 30—40—50-е гг. принадлежали в основном В. П. Адриановой-Перетц и ближайшим ее сотрудникам, а методологические критерии были выработаны научной школой акад. В. Н. Перетца. К середине Великой Отечественной войны было завершено написание трех первых томов 10-томной академической «Истории русской литературы» — труда, который своим появлением обязан неутомимой работе В. П. Адриановой-Перетц. Она была его редактором, автором многих разделов, организатором и вдохновителем. Она привлекла к работе над «Историей» не только филологов, но и историков, лингвистов, фольклористов, искусствоведов.⁶ Впервые столь широко был поставлен ряд важнейших проблем изучения древнерусской литературы, на десятилетия определивших характер исследований в этой области. Эти проблемы обсуждались на заседаниях Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, руководителем которого был академик А. С. Орлов, а организатором исследований — В. П. Адрианова-Перетц. Достаточно вспомнить основные темы докладов и дискуссий по ним в конце 30-х и начале 50-х гг., когда В. П. Адрианова-Перетц после смерти А. С. Орлова стала возглавлять Отдел официально, вспомнить первые тома «Трудов» Отдела, чтобы увидеть всю несправедливость обвинения работ В. П. Адриановой-Перетц и сотрудников Отдела в «оторванности от реальной картины историко-культурного развития Древней Руси». Многие наблюдения над конкретными литературными памятниками разных эпох, многие интересные гипотезы и выводы были

ческих скитах // Там же. С. 91—103. См. также: Духовная литература староверов Востока России: XVIII—XX вв. (Серия: История Сибири. Первоисточники. Вып. IX). Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1999.

⁶ См. об этом: Лихачев Д. С. В. П. Адрианова-Перетц — организатор исследовательской работы // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л., 1985. С. 399—404; см. также: Рождественская М. В. К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947) // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 3—52.

предложены самой В. П. Адриановой-Перетц в ее работах обобщающего характера.

Варвара Павловна как один из организаторов науки в эти тяжелые годы репрессий умела выбирать такие аспекты научного изучения древнерусской литературы и такие повороты темы, что начальству было трудно, а иногда и невозможно, возражать.

Вернемся вновь к прерванной цитате. Л. И. Сазонова и М. А. Робинсон далее пишут о В. П. Адриановой-Перетц, не называя, однако, ее имени в самом тексте своей статьи: «Автор предельно эрудированный, из-под пера которого вышли фундаментальные исследования, свидетельствующие о широких международных связях литературы русского средневековья, вынужден был освещать суть культурного перелома, который произошел в XVII в., следующим образом: „Перелом объясняется исследователями сменой влияний. Вместо Византии учителем литературы (как и всей якобы культуры) стал Запад. Выступая против такого объяснения, принимающего следствие за причину, советские литературоведы и вопрос о переломе в литературе XVII в. решают в свете его обусловленности историческим процессом. ... Советские литературоведы проследили за тем, как накапливались новые явления в литературе с первого десятилетия XVII в., подготавливая качественный перелом в ней, наступивший в обстановке городских и крестьянских восстаний середины XVII в. Интерес к западной культуре, в том числе и к литературе, в этой обстановке был лишь следствием этого перелома, а не его причиной, и действительно новое в литературе было создано вне влияния Запада“» (С. 46—47). Приведя эту цитату из работы В. П. Адриановой-Перетц, Л. И. Сазонова и М. А. Робинсон обвиняют Варвару Павловну «в некритическом соотнесении всех явлений литературы с социологическими схемами, выработанными историками-марксистами», а также в полном непризнании учебного западных влияний на русскую литературу XVII в. «Реальная же картина русской культуры „переходного“ XVII в., — пишут они там же, — опровергает приведенное суждение» (С. 47).

Этот вывод Л. И. Сазоновой и М. А. Робинсона является сильной передержкой. Всем, знающим работы В. П. Адриановой-Перетц, известно, какое большое внимание она уделяла «западному элементу» в русской культуре «переходного периода». Цитата, приведенная в статье, будучи вынута из контекста исследований ученого, нуждается в поясняющем комментарии. Прокомментируем этот текст.

Придерживаясь одного из ведущих принципов собственных исследований — принципа историзма, В. П. Адрианова-Перетц утверждала:

1. Изменения, происходящие в литературе, неразрывно связаны с развитием общественного сознания и обусловлены не внешними влияниями — влиянием Византии или Запада, но внутренними причинами, самим историческим процессом.

2. «Качественный перелом» в русской литературе XVII в., подготовленный новыми явлениями, накапливающимися в ней «с первого десятилетия XVII в.» (имеется в виду открытие «человеческого характера» в историко-публицистических повестях о событиях Смуты, открытие ценности человеческой личности, изменения, происходящие в сфере поэтики литературы, отказывающейся — после Смуты — от канонических принципов изображения человека), наступил в «обстановке городских и крестьянских восстаний середины XVII в.». Подчеркнем: «в обстановке», а не в результате восстаний, как саркастически интерпретируют этот текст Л. И. Сазонова и М. А. Робинсон: «Качественный перелом в русской культуре XVII в. ставится в прямую зависимость от городских и крес-

тьянских восстаний (так называемый «соляной» 1648 г., «медный» 1662 г. бунты, разинщина)» (С. 47). В других работах В. П. Адрианова-Перетц писала о переломе в русской литературе XVII в. более подробно, указывая, что его возникновение было связано «с условиями общественной жизни, ростом значения демократических классов, выдвинувших свои интересы в обстановке начавшегося освобождения личности от средневековой авторитарности».⁷

3. Еще раз возвращаясь, причем полемически заостренно, к волнующей ее мысли о творческом, а не подражательном характере древнерусской литературы, В. П. Адрианова-Перетц писала: «Интерес к западной культуре, в том числе и к литературе, в этой обстановке был лишь следствием этого перелома, а не его причиной, и действительно новое в литературе было создано вне влияния Запада».

Именно на этом последнем утверждении Л. И. Сазонова и М. А. Робинсон акцентируют внимание читателей, комментируя его как «тезис об абсолютной национальной самобытности литературного процесса, практически исключающего всякие литературные влияния». Это суждение В. П. Адриановой-Перетц, действительно похожее на тезис,⁸ звучит, пожалуй, излишне категорично, если не учитывать того, что именно понимала Варвара Павловна под «действительно новым» в литературе XVII в.

Авторам обсуждаемой статьи представляется, что новое в литературе XVII в. было связано только с возникшими на русской почве под влиянием европейской культуры барочными явлениями. Несомненно, барокко — это одно из очень важных и во многом определяющих литературных явлений в русской культуре перелома эпох. Сама Л. И. Сазонова прекрасно показала это на примере русской барочной поэзии.⁹

Однако русская литература XVII в. — понятие значительно более широкое, чем литература барокко. И для В. П. Адриановой-Перетц «действительно новое» заключалось не в перенесенных на московскую почву явлениях польской, украинской, белорусской барочной культуры (сама Варвара Павловна была прекрасным знатоком этих явлений во всем их разнообразии), но в новых принципах изображения действительности и человека, возникающих в недрах самой национальной культуры литературного слова. Без того материала и тех наблюдений над «низовой» смеховой литературой XVII в., повестями и сочинениями протопопа Аввакума, которые имеются в исследованиях В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачева, А. М. Панчен-

⁷ Адрианова-Перетц В. П. Основные задачи изучения древнерусской литературы в исследованиях 1917—1947 гг. // ТОРДЛ. М.; Л. 1948. Т. 6. С. 10.

⁸ Цитата, использованная Л. И. Сазоновой и М. А. Робинсоном, — фрагмент «Предисловия» Варвары Павловны как редактора к «Библиографии советских русских работ по литературе XI—XVII веков за 1917—1957 гг.» (составитель — Н. Ф. Дробленкова. М.; Л., 1961), в котором В. П. Адрианова-Перетц обобщенно и предельно кратко, рассчитывая на подготовленного читателя, анализировала результаты изучения древнерусской литературы с 1917 по 1957 г. Напомним, что изучение литературы барокко XVII в. началось лишь отдельными исследованиями в это время (укажем фактически первую статью И. П. Еремина 1948 г. о поэтическом стиле Симеона Полоцкого) и широко развернулось только в 1960—1970-е гг.

⁹ Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (Вторая половина XVII—начало XVIII в.). М., 1991. Отметим попутно, что, к сожалению, в обсуждаемой статье есть два крупных библиографических пропуска: не указаны ни одна из работ А. М. Панченко в связи с историей изучения русского барокко (Русская стихотворная культура XVII в. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1973 и др.), ни этапная для истории русской литературы монография В. П. Адриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля Древней Руси» (М.; Л., 1947), новаторская книга о древнерусской топике, которая, как заметил А. М. Панченко, «на год опередила известный труд Э. Р. Курциуса по топике западноевропейской» (Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 197).

ко (напомним название одной из его статей «Протопоп Аввакум как новатор»), невозможно представить себе русский литературный XVII век, открывший главную «новость» — ценность человеческой личности, новый взгляд авторов на мир, на читателя, на литературного героя. Именно эта литература, создаваемая «демократическими слоями городского населения», имела для В. П. Адриановой-Перетц «первостепенное значение» в литературном процессе со второй четверти XVII в.¹⁰ Работы В. П. Адриановой-Перетц не декларировали новизну русской литературы XVII в., но путем тщательного текстологического и историко-литературного анализа конкретных памятников показывали ее. Поэтому трудно согласиться с авторами статьи, когда они пишут о том, что «так называемая демократическая литература XVII в. представляла собой уходящую, собственно древнерусскую литературную традицию» (С. 51). Как ни печально, эта односторонняя и формальная трактовка фактов принадлежит профессиональным историкам литературы, не оценившим нравственный и эстетический потенциал «так называемой демократической литературы XVII в.», сумевшей выразить — в текстах ее вершинных произведений, таких: как «Повесть о Горе-Злочастии», «Житие» протопопа Аввакума, «Повесть о Тверском Отроче монастыре» и других — трудно постигаемую человеческую душу и сделавшей решительный шаг от средневековой книжности к собственно литературе. Напомним также, что осуждаемые в статье выводы В. П. Адриановой-Перетц впервые связали явления литературы переходного периода с русской социальной действительностью, переведя их из сферы отдельных исторических фактов в сферу научно постигаемого литературного процесса, идея которого зародилась в отечественном литературоведении в 1920-е гг. в русле формальной школы.

Даже признав «безусловной заслугой» В. П. Адриановой-Перетц открытие демократической сатиры XVII в., авторы очерка досадуют на «неизбежное акцентирование антицерковности и антифеодальности литературы посада», содержащееся в ее работах (С. 50). Напомним авторам очерка, что бюргерская литература (посадская литература — близкий аналог именно бюргерской литературы раннего европейского средневековья) антифеодальна по определению как литература «третьего сословия», а родственная ей историко-литературная традиция шванков, фавльо и т. п. жанров отнюдь не запрещала сатирической литературе быть «антицерковной», точнее — «антиклерикальной», и выступать смеховым антиподом мира христианской серьезности и официального церковного благочестия. Для Варвары Павловны была очевидна эта типологическая близость русской и западноевропейской сатирической литературы: «русская литература дает интересную параллель к французской литературе XIII—XIV вв., когда ведущая роль переходит к бюргерству и появляется сатира, пародийные жанры, и как характерная черта стиля, — натурализм».¹¹

Рассматривая интерес В. П. Адриановой-Перетц к демократической сатире XVII в. только как выполнение «социального заказа» в духе созданной ими доктрины всеобщего отступления науки перед требованиями марксистской советской идеологии, Л. И. Сазонова и М. А. Робинсон и предположить не могут, что «сатирическая проблематика» работ В. П. Адриановой-Перетц этих лет была, возможно, уходом большого ученого в личный анализ исторической ситуации противостояния народной идеологии и

¹⁰ Адрианова-Перетц В. П. Предисловие // Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII веков за 1917—1957 гг. / Сост. Н. Ф. Дробленкова. М.; Л., 1961. С. 23.

¹¹ Адрианова-Перетц В. П. Очерки русской сатирической литературы XVII века. Л., 1937. С. 8.

искусства — официальной доктрине и системе запретов канонической литературы, актом духовной свободы от требований нового «пролетарского» благочестия. Именно в те же годы (в конце 1920-х—в 1930-е гг.) современник В. П. Адриановой-Перетц и коллега по преподаванию в Институте истории искусств в Ленинграде (в 1924 г. и позже) М. М. Бахтин размышляет над проблемами «карнавальной культуры», а в 1935 г. начинает работать над книгой о творчестве Франсуа Рабле и народной культуре средневековья и Ренессанса, изданной только в 1965 г. Конечный вывод М. М. Бахтина, как нам кажется, может объяснить и внутреннюю мотивацию обращения В. П. Адриановой-Перетц к демократической сатире именно в страшные 1930-е гг. «Все акты драмы мировой истории проходили перед смеющимся народным хором, — писал М. М. Бахтин. — Не слыша этого хора, нельзя понять и драмы в ее целом».¹²

Несмотря на некоторую сумбурность композиции очерка, неожиданные переходы авторов от разработанной темы репрессий к не всегда ясному теоретизированию и обратно, повторы в изложении материала и вместе с тем досадное отсутствие фактов «классовых» интерпретаций древнерусских литературных текстов, действительно имевших место в литературе, особенно в околonaучной продукции, понятен общий пафос статьи, протестующей против идеологического давления на науку, и в этой части безусловно полезен, так же как и бесспорны напоминания Л. И. Сазоновой и М. А. Робинсона о необходимости изучать литературу русского средневековья в полном объеме, включая и литературу церковную, изучать в контексте мировой литературы, учитывать факты литературных связей и литературных заимствований (об этом неоднократно писали и В. П. Адрианова-Перетц, и Д. С. Лихачев).

Однако вместо конкретного анализа как уступок Власти, так и различных форм противостояния Науки требованиям партийной доктрины, вместо ожидаемых фактов «нейтрализации» навязанных науке «идеолого-методологических схем» (ведь именно поэтому — это отмечают и Л. И. Сазонова и М. А. Робинсон — наука смогла развиваться дальше, оставаясь фундаментальной наукой), Л. И. Сазонова и М. А. Робинсон сосредоточены только на одном избранном ими аспекте изучения истории древнерусской литературы — на характеристике «компромисса» науки с «государственной идеологией».

Создавая именно в таком ключе обобщенный образ науки о древнерусской литературе советского периода, авторы иногда позволяют себе произвольно соединять в одном фрагменте разновременные обстоятельства. Так, описывая ситуацию 1920-х гг., когда ортодоксы требовали «насыщения науки классовой идеологией пролетариата», Л. И. Сазонова и М. А. Робинсон фиксируют ответ науки на эти требования цитатой из официального отчета Д. С. Лихачева на Бюро Отделения Академии наук в 1954 г. (!),¹³ предвывая цитату своими пояснениями: «Чтобы не быть уничтоженной и выжить в новом социокультурном контексте, наука о русской древности обязана была следовать навязанным господствующей идеологией правилам игры. Поэтому в качестве основной задачи изучения русской литературы XI—XVII веков выдвигалось „исследование ее классовых основ, ее связей с исторической действительностью, ее художественной формы, ее движения к реализму, ее народности, ее национальной специфики“» (С. 44). Вряд ли уместно называть «правилами игры» ситуацию, проигрышем в которой ста-

¹² Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 517.

¹³ ИЮЛЯ. 1954. Т. 13, вып. 5. С. 414—433.

новилась человеческая жизнь (см. материалы первой части статьи Л. И. Сазоновой и М. А. Робинсона). Однако цитируемый пассаж содержит и еще одно неприемлемое утверждение, в котором задачи изучения древнерусской литературы, поставленные Д. С. Лихачевым в 1954 г., рассматриваются авторами не как задачи, интересующие ученого, но как задачи-обманки, искусственно навязанные ему.¹⁴ Что же удивляет авторов в формулировке Д. С. Лихачева? Упоминание о «классовых основах» литературы (это этикетная формула официального стиля той поры, теперь бы мы сказали о «социокультурных основах» литературы и т. п.) или о «ее народности»?¹⁵ С точки зрения другого современного ученого-«древника» — А. Н. Робинсона, это была «новая и единственно целесообразная в сложившихся условиях программа исследований».¹⁶

Значительно большее внимание к вопросам социологии, чем это принято теперь, в литературоведении 30—50-х гг. было, конечно, знаком времени. Что в этом пункте сошлись объективное развитие мировой гуманитарной науки и идеологические установки правящей в России партии, не вызывает удивления. К сожалению, в условиях идеологического давления сложные вопросы нередко трактовались упрощенно и поверхностно. Но, в общем, «социологизация» стиля была отражением языка эпохи, как позже языком эпохи стали структурализм, за ним — культурология и даже интернет. Это

¹⁴ При чтении статьи Л. И. Сазоновой и М. А. Робинсона создается устойчивое впечатление, что почти все исследователи древнерусской литературы работали в советское время исключительно из конъюнктурных соображений. Так, объясняя «от себя», почему И. П. Еремин в 1953 г., издавая «Избранные сочинения» Симеона Полоцкого, не употребил термин «барокко», Л. И. Сазонова и М. А. Робинсон, без каких-либо документальных материалов в подтверждение своих слов, пишут: «Совершенно очевидно, однако, что И. П. Еремин сознательно не использовал здесь понятие „барокко“, учитывая конкретную ситуацию, в какой развивалась наша наука, иначе пришлось бы пожертвовать книгой» (С. 52). Следуя своему методу интерпретации, Л. И. Сазонова и М. А. Робинсон «объясняют» и позицию проф. П. Н. Беркова, создателя науки о русской культуре XVIII в., отрицавшего наличие в ней барокко: «Столь показательный набор негативных признаков барокко стал причиной того, что исследователи отрицали само существование восточнославянского, в том числе и русского, барокко» (С. 52). Авторы ссылаются здесь на «Ответ» П. Н. Беркова на вопросы, обсуждавшиеся накануне IV Международного съезда славистов (см.: Ответ П. Н. Беркова на вопрос № 15 «Была ли так называемая литература барокко в славянских странах? // Сборник ответов на вопросы по литературоведению. IV Международный съезд славистов. М., 1958. С. 83—84). Подозревать П. Н. Беркова, известного твердостью своих убеждений, в конъюнктурности его позиций абсолютно некорректно: весь корпус научного наследия ученого свидетельствует о том, что отрицание «русского барокко» было его научным убеждением, он предпочитал рассматривать новые литературные явления конца XVII—начала XVIII в. как «предклассицизм»

¹⁵ Л. И. Сазонова и М. А. Робинсон возражают против использования термина «народность» применительно к анализу древней литературы: они почему-то воспринимая это понятие, по их собственному признанию, «в духе усредненной энциклопедической формулировки» только как идейный критерий, показатель идейной сущности произведения, или как свидетельство о «социальном» происхождении текста. В связи с этими вульгаризированными представлениями о «народности» как понятии, отражающем некую «коммунистическую доктрину», напомним о возможности другого подхода к употреблению этого слова. А. С. Орлов писал В. П. Адриановой-Перетц в 1944 г.: «Самое дорогое для меня в средневековой русской литературе — национальные черты, которые везде там, обычно покрытые коркой. Они везде таятся, их надо чувствовать и отыскать, и показать. А это тема особой, специальной работы, еще не начатой. „Образность“, „живой язык“, „фольклор“ и т. д. — собственно, ничего не говорящие термины, подстановка слов вместо существа явлений народности. Если бы эта тема была разработана, ее выводы могли бы проходить нитью, скрепляющей любой синтез средневекового материала, ведущей из прошедшего в будущее, в наше время и далее» (см.: АРАН, ф. 763, оп. 2, № 15, л. 21 об. и след.). Разве и эти слова конъюнктура?

¹⁶ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI—XIII вв. С. 28.

неизбежное явление на пути осмысления действительности. Странно не замечать, однако, что перечень задач, сформулированный в 1954 г. Д. С. Лихачевым, сохраняет свою значимость и сегодня. Было бы жаль, если бы в угоду идее ниспровержения старых авторитетов мы забыли бы о социальном расслоении древнерусского общества, о том, что, в отличие от эпохи литературного реализма, отражение социальной действительности в литературе Древней Руси было серьезно ограничено жанровыми канонами, но задача отражения действительности стояла и тогда, что развитие национального самосознания в восточнославянской среде обусловило на протяжении нескольких столетий широкий круг литературных и культурных явлений, что византийско-христианская стихия, положенная в основание древнерусской письменности, подверглась разностороннему приспособлению к местным условиям, и т. д. Обращаясь к оценке недавнего прошлого нашей науки, следовало бы скорее удивляться тому, что в неблагоприятных для свободы мнений условиях было не только сохранено наследие русской дореволюционной науки, но найдены новые плодотворные формы работы, выработана новая методология изучения средневековых текстов. Теорию и историю жанров древнерусской литературы, теорию и историю стилистических форм, поэтику, текстологию пришлось создавать впервые и почти на пустом месте. И это было сделано при самом непосредственном участии Варвары Павловны или под ее руководством. Поразительны были и организационные ее достижения: бесперебойное издание «Трудов» Отдела древнерусской литературы, основание и успешное издание серии монографических исследований памятников древнерусской литературы на основе их всестороннего текстологического изучения, отдельные разделы истории древнерусской литературы в составе многотомной «Истории русской литературы» и т. д. Следует добавить, что при создании этого обобщающего труда было выдвинуто требование связать описание литературного процесса с конкретным изучением источников, и кажется, что мы еще не в состоянии оценить всей значимости этого требования и его результатов для нашей науки. Еще многие десятилетия мы будем жить плодами этого удивительного по творческим достижениям периода. Задача историка науки, историка культуры и просто нравственного наблюдателя — объяснить этот прекрасный феномен свободы творчества, расцветшего в годы гонений и репрессий. Чисто внешнее ограничение на возможности заниматься переводной христианской письменностью, прежде всего Св. Писанием и литургикой, историей церкви, наложенное властью еще в 20-е гг., действительно имело следствием перемещение интересов в сферу оригинальной древнерусской письменности. Однако уже с середины 50-х гг. мы мало-помалу возвращаемся в эти традиционные для филологии и истории сферы, воспринимая это движение не как «освобождение от догм», а как закономерное восстановление прав науки в их полном объеме. Нам не кажется удачным название сборника, в котором помещена статья Л. И. Сазоновой и М. А. Робинсона, — «Освобождение от догм» и уместным помещению в сборнике под таким названием очерка исторического пути отечественной медиевистики. Догматизм подстерегает нас и в менее жестокие эпохи, он подстерегает всякого исследователя, как только он снижает требования к своему труду.

Не хотелось бы думать, что высказанные замечания по поводу статьи Л. И. Сазоновой и М. А. Робинсона могут быть восприняты как защита «идеологизированной методологии». Отнюдь нет. Речь идет о том, чтобы анализ был адекватен исследуемому материалу.